

Глава 71. Точка кипения.

Сирин убивал дураков и за меньшее. В бытность свою повелителем демонов Сирин убивал людей просто за то, что они существуют. Он наслаждался расправой над своими врагами и приятелями. Стоя сейчас перед дрожащей птицей, которая несколько часов мокла под дождем, потому что «Сирин запер его снаружи», алхимик удивлялся, как он позволил себе пасть так низко. Если даже такому слабоумному интригану, как Луми, вздумалось бегать по дому, когда Сирин мог просто покончить с этим раз и навсегда, свернув ему шею. Его глаза были прикованы к птице, словно он смотрел на труп.

«Ты запер дверь, не проверив, все ли мы внутри?» - разочарованный голос мага огня заставил Сирина напрячься. Конечно, это Магнус нашел Луми на пороге, промокшего насквозь, как продрогшего щенка, на рассвете. Салем был бы единственным, кто обнаружил Луми, если бы его часовой ритм не был нарушен 4-дневным марафоном по варке ядов, в котором он принимал участие.

Сирин не проверил все комнаты на наличие жильцов, прежде чем запереть дом на ночь. Как он мог заподозрить, что против него подстроена такая низкопробная затея? Это было гениально.

«Нет, я не проверял».

Магнус отнес Луми на кухню. Согревшись в тепле камина, Луми проснулся и стал рассказывать магу огня о своих горестях.

«Ты не можешь быть таким беспечным, Сирин», - неодобрение в его тоне еще больше разозлило младшего мага, которому казалось, что его обвиняют несправедливо.

«И какого черта он гулял ночью, никого не предупредив, когда знал, во сколько запираются двери?»

«Я не знал...», - Луми покачал головой и жалобно ответил. Его щеки были красными от жара, и даже одеяло вокруг него - которое принадлежало Магнусу - не могло остановить его дрожь.

«Ты лжец, и я должен просто отрезать тебе язык».

«Сирин, - тон Магнуса был холодным, - я не понимаю, почему ты так враждебно относишься к Луми. Я нашел его без сознания у двери и знаю, что он не притворился. Может, тебе стоит успокоиться и перестать придирааться к нему?»

Сирин не знал, хотел ли он ударить Магнуса по лицу или рассмеяться. Пернатый так ловко манипулировал магом огня, и Сирин ничего не мог сказать, чтобы освободить его от ответственности за преступления, которые эта сучья птица - так Рыжий прозвал Луми - сваливала на его голову.

«Может, тебе стоит вытащить голову из задницы и увидеть в нем манипулирующего ублюдка, каким он и является».

Луми сидел на коленях у Салема, наблюдая за их боем с торжественностью, которая плохо смотрелась на ребенке. Риха был тих и погружен в раздумья.

Сирин видел, как напряженные плечи Магнуса расслабились и поникли, отпустив его гнев. На смену ему пришло разочарование, и это было гораздо хуже. Гнев сгорал и угасал, а разочарование укоренялось в сердце человека.

«Что такого сделал Луми, что ты так с ним обращаешься?» – спросил маг огня.

Сирину следовало задать этот вопрос Луми. Почему птица так стремилась разрушить отношения Сирина с Магнусом? Алхимик мог бы просто изгнать птицу из их дома, и это было самым простым решением его затруднительного положения. Однако это привело бы лишь к еще большим трениям с Магнусом, что не стоило бы такого обмена. Каким бы умным ни был Магнус, схемы Луми были непроницаемы и исполнены с изяществом и простотой. Алхимику нужно было время, чтобы подумать о мотивах Луми и о том, как противостоять его планам.

«Магнус, ты знаешь меня уже давно, дольше, чем эту дрянью, которую ты защищаешь. Ты знаешь, какой я, не так ли? Я иду прямо к яремной вене. Луми хочет убедить тебя, что я долго играю в издевательства, но это не мой стиль. Ты знаешь это, не так ли, тупой маг огня? Собери свое дерьмо. Я не потерплю клеветы на себя в собственном доме».

Если Магнус погрузился в туман, созданный Луми, то слова Сирина были сильным порывом ветра, который развеял туман хотя бы на мгновение. Его глаза были яркими и неподвижными, они смотрели на Сирина, колеблясь, как пламя на ветру.

«Я уйду. Я понимаю, что мне не рады в вашем доме, – Луми на секунду прижал руки к глазам, перекрывая поток слез, – я думал, что наконец-то нашел друзей и место, которое можно назвать домом. Но Риха не хочет со мной разговаривать, и все смотрят на меня как на сумасшедшего. Я просто хотел... Мне... жаль».

Луми откинул одеяло, которым был укрыт. Он превратился в птицу и взлетел. Когда он достиг открытого окна, крылья птицы подвели его. Сирин апатично наблюдал, как желтая птица с тихим стуком упала на пол.

Магнус застыл на месте, но, выйдя из замешательства, подошел к Луми раньше Рихи.

«Салем, ты можешь его вылечить?» – спросил маг огня у блондина. Желтая птица выглядела хрупкой в его больших ладонях. Ее дыхание было неровным, грудь вздымалась и опадала, как кожа военного барабана.

Магнус не просил помощи у Сирина, хотя тот был самым способным целителем. Маг огня провел между ними черту. Было больно, но что с того? Сирин не собирался извиняться или испытывать угрызения совести, ведь он ни в чем не был виноват. Он спокойно развернулся и вышел из кухни, дав понять всем наблюдателям свою позицию. Смех и тепло, проникавшие в их дом, теперь были вытеснены чужими руками, и Сирин задался вопросом: так ли дешево стоила его дружба с Магнусом?

Это оказалось труднее, чем он думал: игнорировать Магнуса, притворяться, что не видит мирных предложений, которые делал маг огня, притворяться, что в комнате мага огня не гнездится больная птица, о которой заботятся, как об инвалиде, потому что простуда и лихорадка были настолько опасны для жизни, что Луми «выбыл» на несколько дней. Сирин презирал Луми все больше и больше с каждым днем, который сообщал ему о том, что птица продолжает существовать в мире живых.

«Дай угадаю, ты думаешь о Луми», – Салем вошел в рабочую комнату в фартуке, с чистой тряпкой в руке и металлическим ведром, наполненным дезинфицирующим средством, в другой руке.

«Почему? Я выгляжу убийцей?»

Салем поставил ведро на пол. Его волосы были заплетены в косу и заправлены в рубашку, чтобы они не мешали ему убирать.

«Нет, ты выглядишь голодным».

«Голодным?»

«Как кот, который смотрит в пруд, полный жирных рыб. Большие жирные рыбы дразнят кота».

«Вот почему ты мой любимчик», – он улыбнулся Салему, впервые за несколько дней искренне.

«Нет, я твой любимчик, потому что я незаменим как твой маленький алхимический раб».

«И ты все равно здесь остаешься».

«Я сказал раб, а не работник».

Их шутки продолжались, пока Салем обмакивал тряпку в дезинфицирующее средство и приступал к работе.

«Я обсуждал это с Рихой, – начал полуэльф после затишья в их разговоре, – мы говорили о том, почему Луми может вести себя неадекватно».

«И?»

Салем замешкался, подбирая слова для того, что собирался сказать.

«Риха думает, что у Луми может быть какая-то одержимость мной».

Приподнятые брови Сирина побудили полуэльфа продолжить.

«Он смотрел на меня с того самого дня, как его привезли сюда. Риха обратил на это внимание, и я тоже. Он смотрит на меня так, будто хочет проглотить целиком».

В голове Сирина завертелись шестеренки, и он уже пришел к выводу, на который намекал Салем.

«Все началось в тот день, когда он нашел нас здесь, в положении, которое могло дать ему неверное представление о том, что мы делаем».

Сирин фыркнул. Птица, безусловно, правильно поняла, чем они занимались.

«Значит, он ревнует и вымещает это на добрых чувствах, которые я разделяю с Магнусом. Ты это хочешь сказать?»

«Могут быть и другие причины его поведения, но это самое простое объяснение, которое у нас было».

«Какие еще объяснения вам пришли в голову?»

«Может быть, он просто... сумасшедший? Но это не объясняет, почему из всех нас он решил напасть на тебя».

Сирин вздохнул:

«Что за чудовище мы привели в наш дом?»

«Ревнивое.»

В Салеме не было злорадства по поводу того, что он стал объектом чьей-то страстной одержимости. Казалось, его это скорее раздражало.

«Риха сожалеет, что привел Луми. Он хочет извиниться перед тобой после того, как сможет что-то сделать с Луми».

«Это не вина Рихи, не так ли? Он пожалел птицу и принес ее сюда, думая, что сможет как-то ему помочь. Пусть знает, что я сам разберусь с Луми. Теперь это стало действительно личным».

«И что ты собираешься делать?»

«Наблюдать и наносить ответный удар. Не волнуй свою хорошенькую головку, Салем».

«Тогда я с нетерпением жду этого».

Луми снова занялся работой по дому, потому что у него не было денег, чтобы заплатить Салему за лечение, и он надеялся, что сможет отработать свой долг. Трудолюбивую птицу можно было увидеть готовящей на кухне, подметающей коридоры, протирающей покрытую пылью мебель, поливающей растения и даже помогающей Салему в алхимической комнате. Когда Сирина увидел, как блондин тепло улыбается Луми, а птица передает ему банку с сушеными змеиными железами, его охватило желание придушить их обоих. Но здравый смысл удержал его, и он подождал, пока полуэльф даст ему объяснения.

«Я хочу понять его».

Сирин принял его ответ. Для Салема Луми был всего лишь объектом для эксперимента, который нужно было препарировать и разобрать на части, чтобы выудить из него ответ. Это все еще раздражало его, но он терпел. На протяжении всей этой драмы Алька отсутствовал, и Сирин отчаянно скучал по его успокаивающему присутствию. Он хотел, чтобы его обнял и успокоил маг растений, чей травяной аромат мог смыть нечистоты, поразившие умственные способности Сирина.

Алька наконец вернулся домой, но к его приходу ситуация достигла критической точки. Сирин и Магнус столкнулись лицом к лицу после того, как последний наткнулся на сцену, от которой его бросило в дрожь.

Луми лежал на полу в кухне, плача от боли из-за ожогов, покрывавших его руки. На полу стояла кастрюля с горячей водой, и не нужно было быть гением, чтобы сложить два и два. Кто-то облил Луми кипятком, а поскольку на кухне были только Сирин и Луми, то это наверняка должен был быть Сирин, верно?

«Луми! – Магнус бросился на помощь птице. – Как это случилось???»

Луми смотрел на Сирина сквозь слезы боли.

«Что я сделал, чтобы заслужить это, Сирин?! – на этот раз его крик был громким, с яростью жертвы, требующей справедливости. – Если ты хочешь, чтобы я ушел из этого дома, так и скажи! Ты не должен был причинять мне такую боль!»

Сирин был немым, бесстрастным, как ледяная гора. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул. Он остро чувствовал на себе испепеляющий взгляд Магнуса, словно палящее солнце. Когда Сирин открыл глаза, апатия сменилась спокойным морем нейтралитета.

«Подумать только, ты даже обжегся, чтобы так тщательно уничтожить меня перед Магнусом. Ты тот еще экземпляр, Луми, – Сирин сложил руки вместе и медленно похлопал, – я аплодирую твоей преданности пьесе».

Магнус смотрел на Сирина так, словно парень сошел с ума. Он держал на руках птицу с ожогами второй степени, а его друг стоял перед ними и хлопал, утверждая, что ожоги были нанесены им самим. Маг огня подумал, можно ли ему как-то вернуться в постель и начать день заново.

«Сирин, на этот раз ты зашел слишком далеко», – сказал он с усталым вздохом.

Салем уже занимался ожогами, сосредоточенно глядя на него, и это скрашивало тихий гнев, который излучал Магнус.

«Так ты говоришь мне, что веришь, будто я плеснул кипятком в Луми?» – прямо спросил алхимик.

Магнус нахмурился, когда ему задали подобный вопрос. Луми не мог сделать это с собой, не так ли?

«Зачем ему обжигать себя?»

«Я не знаю, Луми. Может быть, потому что ты одержим Салемом и не можешь смотреть, как я обнимаюсь с ним?» – ухмылка Сирина была насмешливой.

Луми был хорошим актером. Птица изображала растерянность и испуг.

«О чем ты говоришь?»

«Тебе следует присоединиться к театральной группе, Луми. Ты станешь знаменитым в мгновение ока и получишь внимание, которого так жаждешь».

«Сирин, хватит. Ты высказал свою точку зрения, – холодно сказал ему Магнус, – я покидаю этот дом и забираю Луми с собой, пока ты не убил его».

Сердце Сирина возразило на эти слова, позволив ему почувствовать огромную боль от возможности потерять лучшего друга.

«Мне жаль..., – тут же промолвил он, – Луми, мне жаль! Пожалуйста... не уходи».

Лицо Сирина побледнело, когда он извинялся в слепой панике.

«Магнус, я буду держаться подальше от Луми. Я даже не посмотрю в его сторону, так что, пожалуйста, останься здесь с нами».

Маг огня никогда не видел Сирина таким уязвимым. Его лучший друг был ярким, самоуверенным и вел себя как принцесса, когда ему это было удобно. Магнусу было больно видеть Сирина таким.

И именно к этой сцене подошел Алька. Сумки в его руках упали на пол, и он посмотрел на их

лица.

«Что здесь произошло?»

Молодой маг повернулся и поспешно покинул кухню. Салем, беспокоившийся о Сирине, передал обязанности по лечению Магнусу и побежал за убегающим алхимиком. Когда Сирин открыл дверь рабочей комнаты, чтобы впустить его, юноша совсем не походил на того мага с разбитым сердцем, который в отчаянии убежал.

«Сирин, ты в порядке?» – спросил он.

Сирин самодовольно улыбнулся в ответ.

«Лучше, чем в порядке. Мне удалось бросить в него кастрюлю с кипятком, так что я вполне доволен».

«Что?»

«Если меня будут обвинять в том, чего я не делал, я могу с таким же успехом сделать это, верно?»

<http://bllate.org/book/14251/1259520>